

Р. Курбанов¹ , З. Имярова^{2*}

¹ Следственное управление СВ ДП г. Алматы, Алматы, Казахстан

² Университет КИМЭП, Алматы, Казахстан

*e-mail: z.imyarova@kimep.kz

МЕЖДУ ИМПЕРИЕЙ И РЕВОЛЮЦИЕЙ: СУДЬБА ТАРАНЧЕЙ В СЕМИРЕЧЬЕ (1918–1920 ГГ.) ПО АРХИВНЫМ ИСТОЧНИКАМ

В статье рассматривается кейс таранчей Семиречья в период межвластия 1918–1920 годов сквозь призму теоретической рамки поселенческого колониализма (settler colonialism). Такой подход позволяет показать, каким образом практики колониального управления позднеимперского периода и раннесоветского режима сформировали устойчивую систему вытеснения, насилия и перераспределения земельных и хозяйственных ресурсов в пользу поселенческого населения в условиях смены политического режима. Насилие данного периода интерпретируется не как исключительно следствие Гражданской войны или «чрезвычайных обстоятельств», а как структурный элемент колониального проекта, направленного на закрепление власти поселенцев и переустройство социального и пространственного порядка Семиречья. Особое внимание уделяется состоянию межвластия как своеобразному «окну возможностей» для радикализации поселенческого колониализма. Распад имперской администрации и неустоявшийся характер советской власти способствовали тому, что насилие стало ключевым инструментом перераспределения земли и устранения социально уязвимых групп. Для таранчей, уже находившихся в маргинальном положении вследствие ограниченного земельного надела, социально-правовой незащищённости и экономической зависимости, этот период стал моментом резкого обострения колониального давления. На основе архивных материалов рассматриваются условия расселения таранчей на малопригодных для земледелия землях, а также их вовлечённость в колониальную экономику региона в качестве батраков у крестьян-переселенцев, прибывших в Семиречье в результате Столыпинской аграрной реформы. Центральное место в исследовании занимает анализ репрессий 1918–1920 годов, включая массовые расправы над таранчами, их вынужденное бегство в Китай и последующий захват их земель и хозяйств поселенцами. Новизна исследования заключается во введении в научный оборот ранее не публиковавшихся архивных документов, а также в применении аналитической перспективы settler colonialism, позволяющей рассматривать репрессии, вытеснение и перераспределение ресурсов как часть долгосрочной системы колониального управления и поселенческого освоения Семиречья в условиях трансформации политических режимов.

Ключевые слова: поселенческий колониализм (settler colonialism), Семиречье, казахи войска, таранчи, земельный передел; межвластие 1918–1920 гг.

R. Kurbanov¹, Z. Imyarova^{2*}

¹ Investigative Department of the VC of the Almaty PD., Almaty, Kazakhstan

² Kimep University, Almaty, Kazakhstan

*e-mail: z.imyarova@kimep.kz

Between empire and revolution: the fate of the Taranchi in Semirechye (1918–1920) based on archival sources

This article examines the case of the Taranchis of Semirechye during the interregnum of 1918–1920 through the theoretical lens of settler colonialism. This approach demonstrates how colonial governance practices of the late imperial period and the early Soviet regime created a durable system of displacement, violence, and redistribution of land and economic resources in favor of settler populations amid political regime change. The violence of this period is interpreted not merely as a consequence of the Civil War or “extraordinary circumstances,” but as a structural element of a colonial project aimed at consolidating settler authority and reorganizing the social and spatial order of Semirechye. Special attention is paid to the interregnum as a kind of “window of opportunity” for the radicalization of settler colonialism. The collapse of imperial administration and the unstable character of early Soviet power contributed to the use of violence as a key instrument for land redistribution and the elimination of socially vulnerable groups. For the Taranchis, already marginalized due to limited land allotments, legal

insecurity, and economic dependence, this period marked a sharp intensification of colonial pressure. Based on archival sources, the article examines the settlement of Taranchis on lands unsuitable for agriculture and their incorporation into the colonial economy of the region as laborers under settler peasants who arrived in Semirechye following the Stolypin agrarian reforms. Central to the study is the analysis of the 1918–1920 repressions, including mass executions, forced flight to China, and subsequent seizure of Taranchi lands and households by settlers. The originality of the study lies in the introduction of previously unpublished archival materials and the application of a settler colonial analytical framework, which allows understanding repressions, displacement, and resource redistribution as part of a long-term system of colonial governance and settler occupation of Semirechye amid political regime transformation.

Keywords: settler colonialism, Semirechye, Cossack troops, Taranchis, land redistribution, inter-regnum 1918–1920.

Р. Құрбанов¹, З. Имярова^{2*}

¹Алматы қаласы ПД АС Тергеу бөлімі, Алматы, Қазақстан

²КИМЕР университеті, Алматы, Қазақстан

*e-mail: z.imyarova@kimer.kz

Империя мен революция арасында: Семіречендегі таранчылардың тағдыры (1918–1920 ж.) архивтік деректер негізінде

Мақалада 1918–1920 жылдардағы Семіреченнің таранчыларының жағдайы поселенциялық колониализм теориялық шеңберінде қарастырылады. Бұл тәсіл кешкі империялық кезең мен ерте кеңестік режимнің отарлық басқару тәжірибесі саяси режимнің ауысуы кезінде қоныстанушылар пайдасына жер мен шаруашылық ресурстарды иелену, зорлық-зомбылық және ығыстыру жүйесін қалай қалыптастырғанын көрсетуге мүмкіндік береді. Аталмыш кезеңдегі зорлық тек Азаматтық соғыстың немесе «апатты жағдайлардың» салдары ретінде қарастырылмай, қоныстанушылардың билігін нығайту және Семіреченнің әлеуметтік әрі кеңістіктік тәртібін қайта құруға бағытталған отарлық жобаның құрылымдық элементі ретінде бағаланады. Арнайы назар аударылған – билік ауысу кезеңі поселендік колониализмнің радикадануына «мүмкіндік терезесі» ретінде. Империялық әкімшіліктің ыдырауы және ерте кеңестік биліктің тұрақсыз сипаты зорлықты жерді қайта бөлу және әлеуметтік осал топтарды жою үшін негізгі құрал ретінде қолдануға себеп болды. Шектелген жер учаскелері, құқықтық қорғалмаушылық және экономикалық тәуелділік салдарынан шеттелген таранчылар үшін бұл кезең колониалдық қысымды қатты күшейтті. Архив материалдарына сүйене отырып, мақалада таранчылардың егістікке жарамсыз жерлерге орналас-тырылуы және оларды Столыпин реформасынан кейін Семіреченге келген қоныстанушылардың шаруалары ретінде аймақтың колониалды экономикасына тартылуы қарастырылады. Зерттеудің негізгі бөлігі 1918–1920 жылдардағы репрессияларды талдауға арналған, оған таранчыларға қарсы жаппай қылмыстар, олардың Қытайға қашуға мәжбүр болуы және олардың жерлері мен шаруашылықтарын қоныстанушылардың тартып алуы кіреді. Зерттеудің жаңалығы – бұрын жарияланбаған архив материалдарын ғылыми айналымға енгізу және settler colonialism аналитикалық перспективасын қолдану, бұл репрессияларды, ығыстыруды және ресурстарды қайта бөлуді саяси режимдердің трансформациясы жағдайында Семіреченнің ұзақ мерзімді отарлық басқару және қоныстану жүйесінің бөлігі ретінде қарастыруға мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: поселендік колониализм, Семіречен, казак әскерлері, таранчылар, жерді қайта бөлу, билік ауысу кезеңі 1918–1920 ж.

Введение

Во второй половине XIX века переселение таранчей (уйгуров) из Китая в Семиречье совпало с масштабными социально-экономическими и административными реформами в Российской империи. Ключевым событием стало проведение крестьянской реформы 1861 года, которая, по замыслу правительства, должна была способствовать решению аграрного вопроса и снижению социальной напряжённости в стране. Однако отмена крепостного права не сопровождалась достаточным перераспределением земельных ре-

сурсов: значительная часть крестьян, особенно в центральных губерниях, осталась безземельной или малоземельной. Это привело к росту социальных конфликтов и крестьянских волнений по всей империи. Правительство осознавало, что миллионы безземельных крестьян представляли серьёзную угрозу политической стабильности. Вместе с тем власти не были готовы затрагивать интересы крупных землевладельцев, сосредоточивших значительные массивы плодородных земель в европейской части России. В этих условиях председатель Совета министров и одновременно министр внутренних дел П.А. Столыпин

предложил альтернативное решение аграрного вопроса – переселение крестьян на окраины империи, прежде всего на территорию Казахстана (Полунов, 2013).

Хотя миграция славянского населения, или поселенческий колониализм (Kassymbekova and Chokobaeva, 2023), на территорию Казахстана началась значительно раньше, именно во второй половине XIX века она приобрела массовый и институционально оформленный характер. Переселенческая политика Российской империи, а затем и Советского государства охватывала почти два столетия и являлась одной из ключевых стратегий пространственного и демографического переустройства окраин. Данная политика позволяла властям одновременно решать несколько задач:

- отвлекать крестьянство от участия в революционных движениях;
- формировать на новых территориях социальную опору режима, предоставляя переселенцам земельные наделы и временные налоговые льготы;
- обеспечивать кадровую и демографическую поддержку казачьих войск на пограничных территориях.

Переселение крестьян в Казахский край сопровождалось систематическим изъятием земель у казахов-кочевников и оседлых жителей. Так, только в период с 1885 по 1893 гг. в Акмолинской области было изъято 251 779 десятин земли, на базе которых образовано 24 переселенческих участка с населением 10 940 душ мужского пола. В Семипалатинской области за тот же период было изъято 33 064 десятины пахотной земли у казахских шаруа и других оседлых групп (Артыкбаев, 2006). Эффективность и быстрота реализации поселенческого колониализма объясняются несколькими факторами. Во-первых, была принята серия законов и подзаконных актов, оперативно внедрённых в регионах, находившихся под управлением имперской администрации. Во-вторых, местное население – как кочевое, так и оседлое – в силу неграмотности. На момент август месяц 1918 года по докладу Заведующего Информационным Бюро, Бажицким в Ташкент в Окружное Информационное Бюро Совета Народных Комиссаров Туркестанской Советской Республики, по пункту 11-му опросного листа по состоянию образованности населения – грамотных в области 4,2% общего числа населения, неграмотных 95,8%. (ГААО. Ф.489. Оп.1. Д.142. Л.44-45) и отсут-

ствия правовых знаний и ограниченного доступа к административным ресурсам не было осведомлено о содержании этих нормативных актов и не обладало возможностями для противодействия экспансии. В-третьих, поселенческий колониализм дополнялся военной казачьей колонизацией, особенно на пограничных территориях, что обеспечивало силовую поддержку процессам перераспределения земель.

Архивные документы, в частности прошенные местными властями вышестоящему руководству, позволяют проследить судьбу таранчей, переселившихся в Семиреченскую область в конце XIX века, спасаясь от гнёта китайских властей. Российская администрация отвела им земли, практически непригодные для ведения земледелия – по две десятины земли на хозяйство, которые обрабатывались в тяжёлых условиях. В то время как наиболее плодородные земли, расположенные вдоль рек и оросительных систем, передавались прибывшим крестьянам и казакам, таранчи получали наделы, малопригодные для земледелия. В результате менее обеспеченные таранчи нередко были вынуждены наниматься батраками к русским переселенцам, что закрепляло их социально-экономическую зависимость ещё до событий Гражданской войны.

Целью настоящего исследования является показать, что трагические события, связанные с таранчами в Семиречье в межвоенный период 1918–1920 гг., следует рассматривать как часть более широкой системы поселенческого колониализма, реализуемой как Российской империей, так и Советской властью. В этой связи ключевой исследовательский вопрос формулируется следующим образом: каким образом два различных политических режима использовали один и тот же инструмент – поселенческий колониализм – для сохранения власти, контроля над окраинами и вытеснения, а в ряде случаев и физического уничтожения местного населения?

Материалы и методы

Данное исследование основано на широком массиве первичных и вторичных источников, собранных в Архиве Президента Республики Казахстан, Центральном Государственном архиве и Государственном архиве Алматинской области в период с 2015 по 2025 годы.

Методологической основой работы является комплексный исторический подход, сочетающий архивно-исторический и историко-антро-

пологический методы, которые позволили авторам всесторонне проанализировать события в их историческом контексте и выявить причинно-следственные связи между политическими решениями, их реализацией и интерпретацией на местах, а также их влиянием на судьбы местного населения в период политического кризиса.

Теоретической рамкой исследования служит концепция поселенческого колониализма (settler colonialism). Согласно Патрику Вульффу, поселенческий колониализм представляет собой долгосрочную структурную систему, основанную на захвате земли и переселении населения метрополии с целью замещения коренных жителей (Wolfe, 2006). Исследователь подчёркивает, что в рамках данной системы насилие и геноцид часто выступают не как исключение, а как структурный элемент. Касымбекова и Чокобаева (2023) развивают этот тезис, показывая, что Советский режим во многом унаследовал и продолжил колониальные практики Российской империи. Верачини (Veracini, 2024) дополняет, что результатом поселенческого колониализма становится формирование нового общества, более лояльного центральной власти, в отличие от классического колониализма, ориентированного прежде всего на эксплуатацию труда коренного населения.

Результаты

Научная новизна исследования заключается во введении в научный оборот ранее не опубликованных архивных документов, а также в применении аналитической перспективы поселенческого колониализма к изучению событий в Семиречье. Кейс таранчей демонстрирует, что речь идёт не об изолированной трагедии, а о системно выстроенной практике насилия, вытеснения и перераспределения ресурсов. Работа позволяет по-новому осмыслить проблемы насилия, утраты доверия к власти и трансформации социальных отношений в условиях смены политических режимов на южной окраине бывшей Российской империи.

Дискуссия

Казачья и крестьянская политика в Семиречье

Успех царской переселенческой политики в краткие сроки объясняется тем, что поселенческий колониализм функционировал не изоли-

рованно, а в тесной связке с казачьей военной колонизацией, особенно на пограничных территориях. Казаки, являвшиеся русскими православными христианами, исторически формировались как военное сословие. Первоначально они подразделялись на запорожских казаков и казаков, которые с VIII века селились вдоль степей реки Дон (Fedoroff, 1999). Казачья организация носила военизированный характер; во главе её стояли атаман и есаул, а социального расслоения между богатыми и бедными практически не существовало, поскольку имущество находилось в коллективном владении, а жизнь была организована в рамках станиц. На протяжении своей истории казаки активно участвовали в военных кампаниях и несли службу на окраинах империи, выполняя функции силового и административного контроля. В Семиречье казачья военная колонизация началась в 1847 году по прямому указу российского императора и сопровождалась политикой «кнута и пряника». В период с 1847 по 1867 гг. в регион было переселено значительное число казаков (Галузо, 1965), а к 1868 г. их численность достигла 14 648 человек, расселённых в 14 станицах и поселениях (Леденев, 1909). В отличие от других регионов империи, приток крестьян-переселенцев в Семиречье был относительно ограничен. Это объяснялось намерением военного министра заселять регион преимущественно сибирскими казаками (Леденев, 1909). Однако нехватка кадров привела к тому, что крестьяне-переселенцы 1860-х годов нередко зачислялись в казачье сословие; в его состав включались и представители отдельных азиатских групп, в частности калмыки. При этом доля нерусского населения не превышала 3 % (Галузо, 1965).

Существенное значение для понимания механизмов переселенческой политики и роли казачества имеет протокол совещания по переселенческим вопросам, состоявшегося 12 января 1917 года под председательством исполняющего обязанности военного губернатора Семиреченской области полковника А.И. Алексева. В ходе заседания рассматривалось ходатайство переселенцев Столыпинского общества об их устройстве в Пишпекском уезде, в местности Белопикет, а также распоряжение генерал-губернатора не возвращать столыпинцев на прежние земли против их воли, а использовать земли Столыпинского селения для устройства казачьей станицы. (ГААО. Ф.2. Оп.22. Д.7. Св.1. Л.1)

Как отмечали чиновники Семиреченского переселенческого района, земель, «освободившихся вследствие ухода киргиз» в районе Белопикета, оказалось недостаточно для размещения столыпинских переселенцев, поскольку часть этих территорий входила в зону ирригационных проектов инженера Васильева. Вместе с тем в других местах – на землях, освобождённых после ухода киргиз, «принимавших участие в беспорядках», – переселенцы могли быть «свободно и хорошо устроены». Что касается земель Столыпинского селения, то они, по мнению участников совещания, в сочетании с прилегающими участками, оставленными киргизским населением, являлись вполне пригодными для размещения казачьей станицы. Допускалась также возможность того, что после учреждения станицы часть столыпинских крестьян выразит желание перейти в казачье сословие и остаться на прежнем месте (ГААО. Ф.2. Оп.22. Д.7. Св.1. Л.1).

Особого внимания заслуживает используемая в документах формулировка «уход киргиз» или «земли, освободившиеся от киргиз». Она интерпретировалась чрезвычайно широко и включала не только участников восстания 1916 года, но и мирных жителей, занимавшихся земледелием, которые были выселены административным порядком либо вынуждены покинуть свои дома, спасаясь от насилия и репрессий. Таким образом, эвфемистическая лексика официальных документов маскировала масштаб насильственного вытеснения коренного населения.

По итогам совещания были приняты следующие решения:

1. провести опрос столыпинских крестьян с целью выявления желающих перейти в казачье сословие, составить именные семейные списки и получить письменные согласия на переход;

2. составить списки крестьян, не желающих вступать в казачество, и предложить им переселение в Пишпекском уезде на землях, «освободившихся от киргиз», участвовавших в восстании, за исключением местности Белопикет.

Данные решения наглядно демонстрируют кадровый дефицит в казачьих войсках и практику их пополнения за счёт крестьянского населения. Одновременно планировалось масштабное строительство новых казачьих станиц в Пржевальском уезде (в его новых границах) и в Нарынском уезде. Эти планы были зафиксированы в телеграммах генерал-губернатора от 6 января 1917 года за № 30, 31 и 32

В телеграмме № 30 сообщалось, что после отвода 150 тыс. десятин в Пржевальском уезде под казачьи станицы остаётся до 110 тыс. десятин, пригодных для переселения крестьян-земледельцев и образования около 11 тыс. новых наделов. Генерал-губернатор просил Переселенческое управление принять на себя функции по межеванию и распределению земель как для казачьих станиц, так и для крестьянских поселений.

В телеграмме № 31 одобрялось создание одной крупной или нескольких казачьих станиц в Нарынском уезде с земельным фондом около 30 тыс. десятин, рассчитанным на тысячу казачьих мужских наделов. Предлагалось провести обследование местности и предложить жителям селений Атайка и Титовка переход в Семиреченское казачество, а отказавшихся переселить в Пржевальский или Пишпекский уезды. При этом подчёркивалось, что в течение как минимум десяти лет в Нарынском уезде не следует допускать расселение русских крестьян, за исключением административных центров и казачьих станиц, с целью восстановления «нормальных отношений» с киргизским населением (ГААО. Ф.2. Оп.22. Д.7. Св.1. Л.2).

Телеграмма № 32 фиксировала наличие в Пржевальском уезде до 260 тыс. десятин земель, пригодных для заселения, из которых предлагалось 150 тыс. десятин выделить под образование казачьих станиц общим числом до 5 тыс. наделов. Планировалось заселение этих территорий за счёт перевода части уральских и семиреченских казаков, а также перераспределения земель, ранее предназначенных для скотоводческих участков.

В совокупности эти документы позволяют утверждать, что переселенческая и казачья колонизация в Семиречье носили не стихийный, а тщательно планируемый характер и представляли собой взаимосвязанные инструменты имперской политики, направленной на перераспределение земельных ресурсов, демографическую трансформацию региона и усиление контроля над коренным населением. (ГААО. Ф.2. Оп.22. Д.7. Св.1. Л.2)

История таранчей Семиречья в контексте насилия и земельного передела: «Ату» 1918 года

С установлением советской власти в Семиречье казачество оказалось расколото. Одна его часть сохранила лояльность прежнему имперскому порядку, тогда как другая поддержала

большевиков. Согласно архивным источникам, в частности протоколам Семиреченской военной коллегии, отдельные казачьи полки добровольно были реформированы в отряды Красной гвардии. Им выдавались соответствующие удостоверения, предоставлялись полномочия представлять советскую власть, после чего они направлялись в селения Талгар, Иссык, Михайловское и Александровское. В то же время другая часть казачества оказывала ожесточённое сопротивление новой власти.

По данным известного уйгуроведа Аблота Камалова (2019), в феврале 1918 года, сразу после установления советской власти в Верненском уезде, казачье население окрестностей Верного выступило против большевиков. Это выступление было поддержано жителями таранчинских селений, ближайшим из которых был Джанашир. Руководителями движения стали зажиточный таранчинец Исмаилбай из Талгарской станицы и управляющий Карасуйской волости Джамалдин Бушриев.

При этом следует учитывать, что в условиях хаоса Гражданской войны местное население зачастую имело весьма смутное представление о том, кто именно являлся законной властью. Для крестьян и кочевников было трудно отличить большевистские отряды от казачьих формирований или различных банд, тем более что насилие применялось всеми сторонами конфликта. Политика большевиков, направленная на конфискацию имущества, раскулачивание и реквизиции, нередко отталкивала местных жителей, включая таранчей, и вынуждала их занимать оппозиционную позицию. При этом само понятие «кулак» трактовалось крайне произвольно: наличие лошади, повозки или относительно зажиточного хозяйства могло стать основанием для ареста, ссылки или полной конфискации имущества. Подобные практики подталкивали население к поиску альтернативных форм защиты и выживания.

В условиях осады города Верного казачьи формированиями местные большевистские органы обратились за военной поддержкой в Ташкент. В ответ в мае 1918 года Туркестанский Совет народных комиссаров направил в Семиреченскую область карательный отряд под руководством Митрофана Ивановича Мураева, наделенного полномочиями чрезвычайного комиссара и командующего войсками региона. Следуя в Верный с первоначально небольшим составом, Мураев делал остановки в Пишпек

и Токмаке, где приступил к активной мобилизации добровольцев. В отряд вступали представители различных социальных слоев – крестьяне, маргинальные элементы, переселенцы, а также лица, испытывавшие социальную неприязнь к зажиточным слоям населения. В результате численность подразделения значительно возросла.

Прибытие отряда Мураева в Верный подробно описано в воспоминаниях участника установления советской власти в Семиречье Павла Михайловича Виноградова. По его свидетельству, Мураев выступил из Ташкента с крайне малочисленным составом – около шестидесяти человек, однако по пути в Пишпекском уезде сумел довести численность до шести сотен бойцов. Виноградов подчеркивал крайне низкий уровень дисциплины в отряде, чему способствовало фактическое разрешение мародерства и грабежей. Если до прибытия Мураева местные красногвардейцы воздерживались от насилия в отношении казачьих станиц и таранчинских селений, то после его появления практика массовых грабежей стала повсеместной.

Вступив в Верный, отряд Мураева приступил к репрессивным мерам против населения, в том числе к расстрелам по доносам и обвинениям в контрреволюционной деятельности. Современники отмечали атмосферу произвола, сопровождавшую действия командования, а также массовое насилие, жертвами которого становились преимущественно представители трудового населения – казаки, таранчинцы и другие группы. По воспоминаниям Виноградова, пребывание Мураева в Семиречье носило кратковременный, но разрушительный характер. В ходе этого периода он осуществил масштабные насильственные действия, сопровождавшиеся грабежами и вывозом значительных объёмов имущества. Из города Верного был вывезен обоз с награбленным, включая женщин, алкоголь и около 250 пудов опиума. Действия данной группы способствовали росту мародёрства среди части местного крестьянского и мещанского населения, которое, следуя сложившемуся примеру, занималось разграблением казачьих станиц и таранчинских кишлаков, ранее подвергшихся разорению (АП РК. Ф.811. Оп. 4. Д.32. Л.56–57).

Перед продвижением на восток Мураев сформировал несколько отдельных подразделений под руководством командиров Мамонтова, Жарова и Береснева. Первоначальными объектами наступления стали станицы Софийская (ныне Талгар) и Надеждинская (ныне Иссык).

Карательная операция, осуществлявшаяся под лозунгом борьбы с контрреволюцией, привела к тяжелым последствиям для мирного населения и нанесла значительный экономический ущерб Семиреченской области, особенно Верненскому и Джаркентскому уездам – районам с развитым земледелием и высоким уровнем хозяйственного благополучия.

Под давлением вооруженных отрядов Мураева казачьи формирования отступили в сторону китайской границы. Однако репрессии на этом не завершились. Продвигаясь по Кульджинскому тракту, карательные подразделения прошли через таранчинские поселения, где происходили массовые расправы над мирными жителями. Согласно оценкам самих большевистских деятелей, в результате этих событий до двадцати тысяч таранчей были вынуждены покинуть регион и бежать в Китай.

О масштабах насилия свидетельствуют воспоминания Юсупа Гаппарова – участника революционных событий и председателя Комитета по русско-туземным отношениям Джаркентского уезда. Он указывал, что в конце мая 1918 года отряд Мураева осуществлял массовые пулеметные обстрелы населения в ряде селений вдоль Кульджинского тракта – от Джанашара Верненского уезда до Чарына Джаркентского уезда. В частности, в селе Чилик, по его утверждению, в течение суток было убито до четырнадцати тысяч человек. Тела погибших на протяжении нескольких дней вывозились и захоранивались в братских могилах. Подобные расправы происходили и в других населенных пунктах региона (АП РК. Ф.811. Оп.4. Д.36. Л.45–47).

Гаппаров подчеркивал, что данные действия не только не способствовали укреплению советской власти, но напротив, привели к массовому бегству населения, подрыву хозяйственной жизни уезда и затруднили последующее восстановление экономики и проведение коллективизации. Впоследствии областными органами власти была создана комиссия по делам беженцев, которая занималась оказанием помощи и возвращением части населения в регион в 1918–1920 годах.

Дополнительные свидетельства о жестокости карательных подразделений приводил Абдулла Ахметович Розыбакиев. По его воспоминаниям, командир Мамонтов, действовавший в составе отряда Мураева, открыто призывал к физическому уничтожению таранчинского населения в возрасте от семи до семидесяти лет,

мотивируя это участием отдельных уйгурских формирований в антибольшевистских выступлениях (АП РК. Ф.811. Оп.4. Д.147. Л.103).

Формальным поводом для репрессий послужила попытка создания в апреле 1918 года так называемого «уйгурского отряда» под руководством волостного управителя Карасуйской волости Джамалдина Бушриева. Хотя данный отряд, вооруженный в основном примитивными средствами, не получил поддержки со стороны казачьего командования, его существование было использовано большевистскими структурами как оправдание для масштабных карательных мер против мирного населения.

О масштабах последствий этих событий свидетельствуют материалы экстренного заседания Санитарного совета города Верного от 16 июня 1918 года, в которых фиксировалось наличие большого количества неубранных тел погибших, особенно в Чиликском районе. В документах отмечалось, что трупы оставались незахороненными, создавая угрозу санитарной обстановке, в связи с чем было принято решение о формировании специальных рабочих отрядов для их захоронения под контролем военных и санитарных органов (ГААО РК. Ф.405. Оп.1. Д.114. Л.257).

В выписке из протокола № 9 экстренного заседания Санитарного совета от 16 июня 1918 г. в г. Верном говорится:

«На заседании присутствовали приглашённые комиссаром здравоохранения: военный комиссар гр. Емелев, областной комиссар по административно-гражданской части гр. Ерёмин, а также члены Союза врачей и Союза помощников врачей.

Председателем заседания избран М.С. В. Воскресенский, секретарём – гр. Полянский.

Вопрос: об уборке трупов граждан, убитых во время междоусобных войн.

Отмечено, что значительное количество трупов до настоящего времени остаётся незахороненным, в особенности в Чиликском (Зайцевском) районе. Комиссар данного района докладывает об отсутствии необходимых сил и средств для их уборки. Указано также, что отдельные учреждения неверно понимают свою ответственность в деле уборки трупов. Так, милиция предлагает Санитарному совету принять меры по уборке трупов в районе реки Алматинки, тогда как данная обязанность непосредственно относится к компетенции самой милиции. Между тем трупы продолжают разлагаться, заражая воздух и воду. Санитарный совет постано-

вил, что организация уборки трупов должна находиться в ведении областной администрации, в распоряжении которой имеется милиция.

Для уборки трупов вдоль Кульджинского тракта, в особенности в районе Зайцевского участка, по предложению военного комиссара решено немедленно сформировать и направить рабочий отряд под руководством энергичного и ответственного лица, наделённого широкими полномочиями, включая право применения принудительных мер в отношении местных жителей, отказывающихся выполнять законные требования отряда. Военный комиссар заявил, что обеспечение данного отряда денежными средствами, продовольствием, перевязочными материалами, а также необходимыми орудиями будет произведено по его распоряжению.

Для осуществления санитарного надзора и руководства работами по уборке трупов Санитарный совет командует в состав отряда помощника врача Кухарского.

Подлинник подписан надлежащими лицами.

Верно: помощник делопроизводителя (подпись)». (ГААО РК. Ф.405. Оп.1. Д.114. Св.9. Л. 257).

Архивные данные также показали, что отряд Мураева действовал без разбора, грабя и убивая всех подряд, несмотря на то, что значительная часть таранчинцев не были беженцами из Китая, а являлись подданными Российской империи, имели официальные документы, включая паспорта. Однако этот правовой статус не обеспечивал им никакой защиты. Для отрядов под командованием Мураева приоритетными оставались задачи «зачистки» таранчинских селений и последующего заселения освобождённых земель безземельными крестьянами из российских губерний, что фактически подрывало права местного населения.

Архивные материалы свидетельствуют о сложной ситуации при распределении земли и сельскохозяйственных ресурсов. Так, по заявлению представителей селений Байсерке и Джанашар, после мятежа русские переселенцы заняли посеы пшеницы, проса, клеверники и сенокосы, что создавало безвыходное положение для возвращавшихся мусульман. Возвращение на родные земли сопровождалось страхом перед вооружёнными русскими, многие таранчинцы опасались репрессий и отказались от попыток восстановления хозяйства.

На съездах Советов рассматривались вопросы правомерности таких заселений и распреде-

ления хлеба. Представители местного населения поднимали вопросы о нарушении постановлений Областного Исполнительного Комитета, о самовольном заселении русских переселенцев и о несправедливости в отношении мусульман, которые лишались возможности получать пищу и пользоваться своими земельными наделами.

Комиссары и члены земельных комиссий отмечали, что заселение происходило как временно и должно было регулироваться распределением хлеба и посевов, однако приказы Мураева часто игнорировали права местного населения. Многие русские переселенцы селились самовольно, иногда оставляя таранчинцев без жилья и доступа к урожаю. Архивные источники фиксируют, что возвращение таранчинцев часто зависело от вмешательства комиссий и не всегда сопровождалось соблюдением справедливости.

Таким образом, архивные данные показывают, что политика Мураева не только приводила к насилию и лишению таранчинцев собственности, но и создавала долгосрочные экономические и социальные последствия. Вмешательство комиссий позволяло частично восстановить права местного населения, однако проблема справедливого распределения ресурсов и защиты прав таранчинцев оставалась нерешённой (АП РК. Ф.811. Оп.20. Д.185. Л.11–15).

Эти тенденции сохранялись и после окончательного утверждения советской власти в 1920 году. Уже новые властные структуры, при активном участии части переселенческого населения, воспроизводили аналогичные практики насилия и принудительного переселения. Таранчинские селения вновь подвергались разрушению, жители массово убивались или насильственно изгонялись. По имеющимся данным, погибло около 15 тысяч человек, что составляло примерно 10 % всего таранчинского населения региона. Выжившие были вынуждены искать убежище в горах или возвращаться в Китай, а их дома и урожай переходили к переселившимся крестьянам, тогда как женщины и дети таранчинцев, истощённые, больные и лишённые средств к существованию, скитались по степям

Архивные материалы, в том числе аналитические записки местных властей, неоднократно фиксировали тяжелое положение этих семей. Выжившие таранчинцы нередко появлялись на базарах в крайне истощённом и полураздетом состоянии, пытаясь любой ценой добыть пищу. Один из документов содержит следующую информацию:

«Коммисар Селения Надеждинского Верненского Уезда Семиреченской Области 29/16 мая 1918 года №958. Селение Надеждинское. Народному Комиссару по продовольствию Семиреченской области. Из таранчинских селений Джанышара, Таштыкара, Ташкенбай-саза и др. прибывают в селение Надеждинское семейства убитых таранчей, и в большом количестве. Часть этих семейств направляется в город Верный и в селение Софийское, а большая часть полуголодных и полураздетых остаётся здесь, так как двинуться дальше не могут.

Хлеб реквизируется комиссией, прибывшей из города Верного, и на местных жителей оставляется самое необходимое количество хлеба только на пропитание до нового урожая, а потому прибывшим сюда семействам таранчей селение дать хлеба не может.

Донося о вышеизложенном, прошу разрешения, как поступить с прибывшими семействами таранчей в селение Надеждинское, и если возможно, прошу распоряжения Комиссии по проверке и приёмке хлеба об отпуске на нужды временно проживающих в селении семейств, при условии образования местного продовольственного Комитета, на учёт у которого будет поставлен хлеб, отпущенный комиссией. Комиссар /подпись/ Катунцев Секретарь /подпись». (ГААО РК. Ф.405. Оп.1 Д.114. Св.9. Л. 519)

Данный документ ясно демонстрирует, что выжившие таранчинцы находились в крайне уязвимом положении: они были лишены доступа к основным продовольственным ресурсам, зависели от решений местных властей и комиссий и фактически находились под постоянным контролем переселенческого населения и официальных структур. Эти архивные свидетельства иллюстрируют, как социальная и этническая структура региона использовалась новыми властями для закрепления контроля, а также подчеркивают систематический характер гуманитарного кризиса, затронувшего местное население.

Последствия резни и судьба таранчей после 1918 года

Архивные материалы убедительно свидетельствуют о том, что трагедия таранчей не завершилась с окончанием активной фазы насилия в 1918 году. Напротив, её последствия определяли социальное, экономическое и политическое положение этой группы в первые годы советской власти. Местные органы управления неоднократно обращались в Москву с прошениями,

подробно описывая катастрофическое состояние таранчинского населения. В этих документах подчёркивалось, что в условиях межвластия значительная часть таранчей была физически уничтожена, а уцелевшие оказались обречены на крайнюю нищету, болезни и социальную маргинализацию. Авторы прошений прямо указывали, что подобная ситуация подрывала доверие к советской власти в Семиречье: наблюдая судьбу таранчей, другие группы местного населения не проявляли готовности поддерживать Советы. Особенно показательным в этом отношении прошение представителей семиреченских таранчей, зачитанное на 3-й Мусульманской конференции в Ташкенте 30 января 1920 года. В нём насилье описывается как непрерывный процесс, осуществлявшийся как антисоветскими, так и советскими вооружёнными формированиями: «В 1918 году, когда город Верный был занят казаками, они грабили, избивали и насиловали таранчей. Когда же уезд был занят Советами, наши войска начали убивать, расстреливать беспощадно и грабить их селения. В результате погибло около 15 тысяч таранчей, остальные вынуждены были бежать в горы или к китайской границе...»

В документе подчёркивается, что бегство не спасло уцелевших от гибели: многие умерли от голода, а земли и урожай, засеянные таранчами, были захвачены крестьянами-переселенцами. Оставшееся население, физически истощённое, страдало от эпидемий, прежде всего холеры. Женщины и дети скитались по степи в состоянии крайней нужды, а масштаб пережитых ими страданий, как отмечали авторы прошения, «невозможно передать на бумаге». Значительная часть таранчей осела в китайских городах – Кашгаре, Аксу, Турфане, – где они были вынуждены выживать в качестве наёмных чернорабочих. Особое внимание в прошении уделялось и провалу попыток организованной помощи возвращающимся беженцам. Несмотря на объявленную амнистию согласно Декрету №250. Политический отдел Семиречья запретил создание комиссии по оказанию поддержки таранчам, возвращавшимся из Китая. Более того, возвращение сопровождалось новыми волнами грабежей и насилия со стороны крестьян-переселенцев, отсутствием какой-либо материальной помощи и фактическим невозвратом ранее захваченных селений. В документе также указывается на персональную ответственность начальника отряда Мамонтова, который, по свидетельствам современников и

представителей Центрального Исполнительного Комитета, отдавал прямые приказы об уничтожении таранчей (ГААО. Ф. 2. Оп. 22. Д. 35. Св. 3. Л. 1–2).

Дополняют эту картину материалы Хоргосской особой комиссии по приёму и регистрации беженцев-возвращенцев из Китая (Кульджи) в Семиреченскую область. Подписки о принятии советского подданства, обязательства о лояльности и телеграммы комиссии от 16 июля 1919 года демонстрируют противоречивый характер политики «возвращения». Формально провозглашая амнистию, власти на практике не обеспечивали ни безопасности, ни восстановления утраченных прав. Насилие и земельный передел продолжали оставаться ключевыми факторами, определявшими судьбу таранчей в первые годы советского режима. Амнистия была объявлена и тем таранчам, которые бежали в Китай от массового насилия, хотя ранее они уже эмигрировали из Российской империи под давлением цинских властей. Однако и в этом случае она не означала реабилитации или восстановления справедливости. Возвращаясь с надеждой на возобновление прежней жизни, таранчи вновь сталкивались с дискриминацией, грабежами и произволом – теперь уже в условиях формально установленной советской власти, которая фактически поддерживала интересы переселённого крестьянства.

Анализ архивных источников позволяет рассматривать амнистию как элемент поселенческого колониализма (*settler colonialism*). Она не была направлена на компенсацию ущерба или признание насилия, а служила инструментом административного контроля над бесправным «инородческим» населением. Вместо восстановления прав воспроизводилась система жёсткого разграничения на «своих» и «чужих», в рамках которой перераспределение земельных и экономических ресурсов происходило в пользу переселенцев, а насилие легитимизировало сложившийся порядок. Эта логика ясно прослеживается в самом тексте Декрета № 250, который сводил «возвращение» к процедуре признания власти и отказа от сопротивления, не предполагая никаких обязательств государства перед пострадавшими. Не менее показательной является судьба беженцев в сопредельных территориях Китая. Документы 1917 года фиксируют, что бегство от карательных отрядов обернулось для них гуманитарной катастрофой. В отчётах доверенных представителей киргизских волостей Семиречья

описываются массовая гибель людей в пути, утрата имущества и вынужденное рассеивание по китайским селениям. Лишённые средств к существованию, беженцы нанимались на тяжёлые работы за бесценок, а наиболее уязвимые – больные, вдовы, старики – оказывались на грани выживания, вплоть до продажи детей за хлеб по цене от 25 до 1000 рублей. (ЦГА РК. Ф. 1414. Оп. 1. Д. 6. Л. 118–119).

Возвращение по амнистии не принесло облегчения. По мере приближения к прежним делам беженцы сталкивались с вооружённым сопротивлением со стороны русских крестьян, которые расстреливали возвращавшихся, грабили их и пользовались фактическим попустительством властей. В результате тысячи семей были вынуждены расселиться по разным уездам и областям, выбирая не безопасность и стабильность, а лишь относительное снижение угрозы физического уничтожения. Наконец, материалы Секции по национальным делам 1919 года фиксируют, что эксплуатация «туземного» труда продолжала оставаться структурной основой региональной экономики. Киргизы и другие коренные жители массово привлекались к тяжёлым работам за минимальную оплату, в условиях, которые сами советские органы называли «рабскими». В этих документах прямо признавалось, что благосостояние переселённого крестьянства исторически строилось «на трупе туземца», и подчёркивалась необходимость радикальных мер для демонтажа этой системы. Однако сами эти признания лишь подчёркивают глубину кризиса и ограниченность реальных изменений в первые годы советской власти.

Заключение

Таким образом, проведённое исследование показывает, что трагедия таранчей Семиречья в 1918–1920 годах не может рассматриваться исключительно как эпизод Гражданской войны или результат временного политического хаоса. Напротив, она является логическим продолжением длительного процесса переселенческого колониализма на окраинах Российской империи, воспроизведённого и адаптированного в раннесоветский период, что подчеркивает системный характер данного явления. В рамках *settler colonialism* ключевыми механизмами выступают демографическое вытеснение, насильственный земельный передел и институциональное перераспределение ресурсов.

Анализ архивных данных демонстрирует, что объявленная государством амнистия и работа официальных комиссий по делам беженцев фактически оказали ограниченную помощь таранчинцам. Они не получили реальных гарантий безопасности и восстановления законных прав. Вместо этого формировалась институциональная система контроля, устанавливавшая строгие порядки через разделение на «своих» и «чужих», создавая жёсткую имущественную и социальную иерархию. Насилие, унижение и маргинализация определённых слоёв населения использовались как легитимные механизмы закрепления

власти, направленные на вытеснение коренного населения и перераспределение социальных и экономических ресурсов в пользу переселенцев.

Рассмотрение этих процессов в единой аналитической рамке позволяет по-новому осмыслить преемственность позднеимперской и раннесоветской политики и расширяет понимание колониального наследия в Центральной Азии и за её пределами. Оно ясно демонстрирует, что трагедия таранчей не была случайным эпизодом межвоенного периода, а представляла собой институционализированную модель закрепления власти.

Литература

- Артыкбаев Ж.О. (2006). История Казахстана, Алматы: «Қазақ университеті», 315 с.
АП РК [Архив Президента Республики Казахстан] Ф.811. Оп.4. Д.36. Л.45-47.
АП РК. Ф.811. Оп. 4. Д.32. Л.56–57
АП РК. Ф.811. Оп.4. Д.147. Л.103
АП РК. Ф.811. Оп.20. Д.185. Л.11–15
ГАОО [Государственный архив Алматинской области]. Ф.2. Оп.22. Д.7. Св.1
ГАОО. Ф.489. Оп.1. Д.142. Л.44-45
ГАОО. Ф.2. Оп.22. Д.7. Св.1. Л.1
ГАОО. Ф.2. Оп.22. Д.7. Св.1. Л.2
ГАОО РК. Ф.405. Оп.1. Д.114. Л.257
ГАОО РК. Ф.405. Оп.1 Д.114. Св.9. Л. 519
ГАОО. Ф. 2. Оп. 22. Д. 35. Св. 3. Л. 1–2
ЦГА РК [Центральный государственный архив Республики Казахстан] Ф.1414. Оп.1. Д.6. Л.118-119
Галузо П. Г. (1965). Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867-1914 гг. Наука.
Kassymbekova, B., & Chokobaeva, A. (2023). Expropriation, assimilation, elimination: Understanding Soviet Settler Colonialism // *South/South Dialogues*, No 5.
Kamalov A.K. (2019). “Links across time: Taranchis during the uprising of 1916 in Semirech’e and the “Atu” massacre of 1918”, in Alexander Morrison, Cloé Drieu, and Aminat Chokobaeva (eds), *The Central Asian Revolt of 1916: A Collapsing Empire in the Age of War and Revolution*. Manchester.
Леденев Н. В. (1909). История Семиреченского казачьего войска. Верный: Тип. Семиреч. обл. правления.
Полунов А.Ю. (2013). Россия в начале XX века. Реформы Столыпина. М.: РГГУ.
Veracini L. (2024). Settler colonialism: A theoretical overview. “Palgrave Macmilan”, 165p.
Wolfe P. (2006). Settler colonialism and the elimination of the native. // *Journal of Genocide Research*, Vol. 8. No.4. <https://doi.org/10.1080/14623520601056240>

References

- Artykbayev Zh.O. (2006). Istorija Kazakhstana. [History of Kazakhstan]. Алматы: “Kazakh Universiteti”, 315 p.[In Russian]
AP RK [Arkhiv Prezidenta Respubliki Kazakhstan] F.811. In.4. C.36. P.45-47. [In Russian]
AP RK. F.811. In.4. C.32. P.56–57. [In Russian]
AP RK. F.811. In.4. C.147. P.103. [In Russian]
AP RK. F.811. In.20. C.185. P.11–15. [In Russian]
GAAO [Gosudarstvennyy arkhiv Almatinskoy oblasti]. F.2. In.22. C.7. C.1
GAAO. RK F.489. In.1. C.142. P.44-45. [In Russian]
GAAO RK. F.2. In.22. C.7. C.1. P.1. [In Russian]
GAAO RK. F.2. In.22. C.7. C.1. P.2. [In Russian]
GAAO RK. F.405. In.1. C.114. P.257. [In Russian]
GAAO RK. F.405. In.1 C.114. C.9. P. 519. [In Russian]
GAAO RK. F. 2. In. 22. C. 35. C. 3. P. 1–2. [In Russian]
Galuzo P. G. (1965). Agrarnye otnosheniya na yuge Kazakhstana d 1867-1914 goda [Agrarian relations in the South of Kazakhstan in 1867-1914]. Nauka In Russian]

Kassymbekova, B., & Chokobaeva, A. (2023). Expropriation, assimilation, elimination: Understanding Soviet Settler Colonialism // South/South Dialogues, No 5.

Kamalov A.K. (2019). “Links across time: Taranchis during the uprising of 1916 in Semirech’e and the “Atu” massacre of 1918”, in Alexander Morrison, Cloé Drieu, and Aminat Chokobaeva (eds), The Central Asian Revolt of 1916: A Collapsing Empire in the Age of War and Revolution. Manchester.

Ledenev N. V. (1909). Istoria Semirechenskogo kazackego voiska [History of Semirechinsk Qazaqs]. Vernyi: Publishing House of Semirechinsk regional management. [In Russian]

Polunov AYu. (2013). Rossia v nachale 20 veka. Reformy Stolypina [Russia at the beginning of the 20th century. Stolypin’s reforms]. Moscow: RGGU. [In Russian]

TsGA RK [Tsentral’nyy gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Kazakhstan] F.1414 In.1 C.6. P118-119. [In Russian]

Veracini L. (2024). Settler colonialism: A theoretical overview. “Palgrave Macmillan”, 165p.

Wolfe P. (2006). Settler colonialism and the elimination of the native. // Journal of Genocide Research, Vol. 8. No.4. <https://doi.org/10.1080/14623520601056240>

Сведения об авторах:

Курбанов Риад Диасович – начальник оперативно-криминалистического отдела Следственное управление СВ ДП г. Алматы.

Имярова Зүлфия Сулеймановна – кандидат исторических наук, ассистент-профессор факультета образования и гуманитарных наук Университета КИМЭП.

Information about the authors:

Riad Diasovich Kurbanov – head of the operational and criminalistic Department of the Investigative Department of the SV DP of Almaty.

Zulfiya Suleimanovna Imyarova – PhD in History, Assistant Professor, College of Humanities and Education, KIMEP University.

Авторлар туралы мәлімет:

Құрбанов Риад Диасұлы – Алматы қаласы ПД АС Тергеу бөлімі, жедел – криминалистикалық бөлімінің бастығы.

Имярова Зүлфия Сулейменқызы – тарих ғылымдарының кандидаты, КИМЭП университетінің Білім беру және гуманитарлық ғылымдар факультетінің ассистент-профессоры.

Келіп түсті: 01.12.2025

Қабылданды: 19.02.2026